

Ирина Богатырёва

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ

роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Дизайн переплета — *Елизавета Корсакова*

Рисунок на форзаце — *Дана Сергеева*

Богатырёва, Ирина Сергеевна.

Б73 Золотое время : роман / Ирина Богатырёва. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2025. — 318, [2] с. — (Другая реальность).

ISBN 978-5-17-178251-1

В романе «Золотое время» — три мира: мир богов, похожий на нашу современность, мир людей, напоминающий эпоху племен железного века, и мир мертвых Буни. А с неба на землю течет великая река Сэгэде. Несет река не воду, а время, и входить в реку могут только шаманы — камы.

Однажды молодой камсе приходится отправиться на поиски своей исчезнувшей предшественницы по всем трем мирам. Она понимает, что происходящее в одном мире влияет на жизнь в другом. Самолет из мира богов попадает в мир людей, а мамонты, найденные на кладбище богов, тесно связаны с оленями-хели, пропавшими из мира мертвых.

А река Сэгэде тем временем мелеет, грядет конец времен, после которого начнется новый виток истории.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-178251-1

© Богатырёва И.С.
© ООО «Издательство АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 7

Часть I ПЫРРА-ВОЛЛА

Волла 15
Мамонты 31
Анон 46

Часть II ПЫРРА-АНОН

Варна 89
Бог дождя 116
Буни 143
Ильчи 154
Матерь мира 177
Зотан 201
Бог солнца 230
Бардо 255
Бог любви 279

Часть III ПЫРРА-ТОЙЯ Пырра! 301

От автора 317

ПРОЛОГ

Беги!

Бегибегибегибегибеги!

Мама!

Ноги скользят в жирной грязи на дороге. Кроссовки разъезжаются, того и гляди — растянешься в луже. Бежать, бежать изо всех сил. Поворот, еще поворот. Как на зло, на улице никого. Попрытались все, сидят по домам в этот ветреный вечер. Кричи не кричи — не поможет. Даже окна в домах уже не светятся. Одни собаки брешут из-за заборов. Но что они могут, собаки, оттуда!

Мама, этого не должно быть! Я же рядом с тобой всегда была в безопасности. Даже *из-за реки* мама поможет, утешит. Ты же мне пела, я слышала, даже сегодня пела! И что теперь? Почему это все происходит?!

Качи качи. Беги беги.

В голове мешается. Просто беги! Горло режет, дышать нечем. Но беги.

Все кажется нереальным.

Ветер вот-вот собьет с ног. Вылетает с силой из-за поворотов. Она слышит свое дыхание, шумное, тяжелое. И еще шаги по грязи, свои — и его, этого мерзкого, гадкого, который выскочил из-за могилы. За руку успел схватить, к себе потянул. Что-то похабное шептал. Думал, наверное, что она испугается настолько, что сразу обмякнет. Не ожидал, что выкрутится. Что даст деру.

Но она не дастся. Нет, нет, просто так не дастся!

Беги, беги. Как же далеко еще дом! Почему он так далеко! Ничего, она знает дорогу. Гораздо лучше их. Почему — их, он же один. Или нет? Вон там, в проулке, снова мелькает тень — неужели другой? Второй? Их двое. Всегда было двое, она видела... Или трое? Тот, рыжий, который с ними тогда сидел. Цоя пел. Он тоже с ними? Нет, не может быть. Нет, нет.

Нет!

Кто-то выскакивает из-за поворота так резко, что она не успевает затормозить и влетает в грудь, в раскрытые руки. *Куда ты, рыбка, стой! Побегать решила, едрить-колотить? Не рыпайся, рыба! Будь умницей...* Она крутится в его руках, он пахнет водой, пахнет ужасом. Ржет придавленно в самое ухо. Это другой, не тот, который — из-за могилы. Лиц не разобрать, но точно — другой: тот был выше, этот толще, крепче. И он не бегал по деревне сейчас. Ждал ее тут, знал, где ждать. Совсем не запыхался.

Это специально, понимает она вдруг. Они все продумали. Гнали ее, как оленя. Просто гнали — оттуда, с горы. Знали, куда она побежит. Первый гнал, а этот здесь сидел. Где? Быстро оглядывается — какой-то тупик. Успел утащить ее от дороги. Сволочь!

Вдруг узнает: это за магазином. Маминым магазином! Вон склад, подвал, глухой дощатый забор и запах, гадкий, тухлый — сгнившего лука, раскисшей картошки, он в стены въелся, она с детства помнит.

Нет, только не это! Нет, так не может быть!

Мама!

Кажется, она наконец-то кричит. Голос прорезается в животе, ниже диафрагмы, но она не слышит его — только чувствует, как сотрясается тело. И тут же получает по губам, по лицу. А мерзкая шершавая ладонь ложится на рот — зажимает плотно, дышать нечем. *А ну не вой, по башке не получала?* Сзади — топот, дыхание. *Где ты застрял, едрить-колотить! Мешок давай!* Ее толкают, волокут, пи-хают. Ей уже не больно. Из горла рвется вой, в глазах слезы. Обмякла, сил нет, чтобы бороться. Ее тянут вниз, под ногами ступеньки. Совсем темно — в глазах или вокруг? Запах тухлятины душит.

Мама! Мамочка!

Снова чьи-то шаги.

Эй! Вы чего! Вы... эта... чего это?!! Голос испуганный, слабый, почти на визге. Она дергается

было к нему, но быстро обмякает — такой не спасет. Да, это он — приходил на точку тогда, Цоя пел. Перед глазами встает его лицо, как смотрел на нее, как следил за каждым движением. Нет, не спасет. Он слабый, безвольный. Он и сейчас боится. А ну заткнись, сукино вымя! Будешь выеживаться, один за нее сядешь, понял? Дышат рядом, под боком, пыхтят, возятся. Тебя с ней каждый дурак тут видел. Проблем на жопу надо? Будут тебе проблемы. Бьют — не ее, другого. Что-то охает, тяжело шоркает по полу. Будешь еще таякать? Вот и помалкивай. Серый, да где мешок-то? Едрить-коло-тить...

И вдруг становится совершенно темно — она только в этот момент понимает, что до этого свет был, какой-то тусклый, неверный, но был, — разом тухнет, а она чувствует: дергают за руку с огромной силой, тянут и вырывают наружу. Шершавые, гадкие руки соскальзывают с ее плеч, будто уходят под воду, и она выкручивает голову, выкручивает тело, а кто-то другой, сильный и властный, кто-то бесстрашный выталкивает ее на волю. Сильный толчок в спину, и она летит по ступенькам наверх, теряя равновесие, выпрастывает вперед руки, вышибает дверь, оскальзывается и падает лицом в грязь. Дверь за спиной хлопает — сработала пружина, там всегда была эта пружина, чтобы не закрывать за собой дверь подсобки, если руки заняты. Но она уже забыла о двери, она по-собачьи

отползает — как может дальше, дальше. Туда, за угол. Прижимается к стене, переводит дух. Не глядя, знает — над головой выбита штукатурка и дыра в стене от выстрела. Пальнули дважды, один раз в стену, второй — в окно, за которым — мама...

Сил больше нет, она скулит и воет, слезы душат, но она боится кричать. Страх схватил мышцы до боли, до судорог. Особенно ноги, живот. Особенно между ног. И горло. Долгие годы еще не сможет она плакать в голос, будет давиться слезами, захлебываться и икать — как теперь.

Размазывая по лицу грязь, поднимается с земли. Беги. Только беги. Кажется, что бежит, но на деле — бредет, качаясь, держась за стену, на деревянных ногах. Домой, недалеко уже дом. Совсем недалеко. Дойти бы только. Она еще не верит, что спаслась. Что никто не выскочит из подвала. Не схватит, не утащит назад, в эту черноту и тухлый запах. Почему они остались? Почему не бегут за ней, не хватают снова за руки? Она бы не сопротивлялась. Она уже почти смирилась. Она как будто уже потеряла себя, и в темноте стала видеть их — кто на той стороне, за рекой, кто проступает в тених, в сумерках.

Мама, я знала. Я всегда знала. Что ты. Спасешь. Меня.

Ее рвет на пороге собственного дома.

Часть I

ПЫРРА-ВОЛЛА

ВОЛЛА

Земля была еще сырая. Она была мягкая, как глина, и бесконечная, как Небо. Она не имела ни границ, ни формы. Она лежала у Неба в объятьях, и оно качало ее, как младенца. Моря еще не омывали ее. Дожди еще не утешали ее. Земля спала и видела время, как человек видит во сне собственный путь. Но ни человека, ни пути еще не было. Была она, Земля, и был Вонг — идешь в лес, помани его имя.

А потом пришел Ы-нгу невыносимый и стал Землю мять. Он мять ее, как невесту, терзал, как волк, и сжимал, как старуха тесто. Он отделил Землю от Неба, и оно зарыдало первым дождем. Небо было безутешно, дождь шел и шел, пока не залил всю пустоту. Так стало море. А Ы-нгу все мять и мять, наводя границы, придавая форму. Он вылепил горы и равнины. Он вырвал свои волосы и воткнул их в Землю, и они проросли лесами. Он плюнул свои зубы и кинул их на Землю, и они поднялись